

УДК 281.93:255(470.12)''1860/1917''(045)

*П.П. Котов, А.В. Рожина***СОСТАВ БРАТИИ В ПРАВОСЛАВНЫХ ОБИТЕЛЯХ ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ
В 1860-х – 1917 ГОДАХ¹**

После отмены крепостного права в России кардинально изменился состав православных обителей за счет поступления выходцев из крестьянского сословия, которые в обителях Вологодской губернии стали составлять более половины монашествующих. При этом в одних монастырях губернии наблюдалось снижение численности проживавших, в других – своеобразная стабилизация состава иночества. В отдельных обителях, особенно в женских, происходило увеличение числа обитавших. Однако в 1860-х – 1917 гг. в основных мужских штатных монастырях Вологодской губернии численность проживающих была ниже установленных нормативов. С другой стороны, в течение времени происходило явное «старение» мужского иночества в губернии, тогда как возрастные характеристики обитавших в женских монастырях были разнонаправленны. Явные положительные тенденции в отношении численности монахов и сестер и их возрастных показателей наблюдалось в новых общежительных монастырях – в Ульяновском Троицко-Стефановском мужском и Кытловском Крестовоздвиженском женском.

Ключевые слова: Вологодская губерния, штатные и заштатные монастыри, общежительные обители, иноки, послушники, бельцы.

DOI: 10.35634/2412-9534-2022-32-6-1197-1208

Исследователи уже давно обращались к изучению различных проблем истории православных обителей. Их влияние на различные стороны материальной и духовной жизни общества достаточно успешно постигались до 1917 г., в меньшей степени – в советский период и вновь активизировались в конце XX – начале XXI вв. [8; 15; 25]. В полной мере такая ситуация была характерна и для региональной историографии Европейского Севера России [6; 11; 19], для исследования истории православных монастырей Вологодской губернии в том числе [3; 10; 20]. Однако вопросы состава братии обителей Вологодской губернии нашли лишь частичное отражение в трудах ученых [6; 11; 21; 22] и нуждаются в обобщенном анализе, который по периоду с 1860-х по 1917 годы и предлагается в данной статье.

Раскрытие цели проводится в статье в рамках концепции «центр – периферия», т. е. в рамках изучения взаимодействия центральной власти и периферии. При этом в роли «центра» могли выступать епархиально-губернские, центральные церковные и светские органы власти, хотя нередко наблюдалось их сочетание. В исследовании применяются общепринятые научные методы: сравнительный, аналитический, историко-типологический и другие.

В ходе секуляризации в 1764 в России было затворено более половины монастырей и введена их градация. В стране в зависимости от разделения на классы бытовали штатные и заштатные монастыри. Первые из них в значительной степени финансировались из казны через Синод, вторые – получали лишь частичное финансирование, добывая основные необходимые для существования средства самостоятельно. Половина обителей в России оказались «заштатными». Изначально в штатные ведомости были внесены только 159 из 318 мужских и все учтенные 67 женских монастырей. В течение времени ситуация изменялась. Штатные монастыри разделялись на три класса – от первого до третьего, что определяло размеры выделяемых средств от государства. Особый статус оставался у Троице-Сергиевой лавры [18, т. XVI, № 12060, с. 549–569; 25, с. 59].

По форме управления монастыри определялись как самостоятельные и приписные. С другой стороны, уставы обителей устанавливали две формы жителства монашеских общин, что привело к различию общежительных и необщежительных обителей. Считаю необходимым отметить, что изначально – и достаточно долгое время – в источниках некоторые обители именовались пустынями. Однако к концу XVIII в. такое наименование утратило свое первоначальное значение, применяемое к небольшим монастырям в отдаленных уединенных местах, и пустынями стали называться даже достаточно крупные монастыри.

¹ Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН.

К началу 1860-х гг. в Вологодской губернии (ее границы совпадали с границами одноименной епархии) насчитывалось, с учетом воссозданных в первой половине XIX в., 28 православных обителей, в т. ч. 11 штатных (два 2-классных и столько же женских), восемь заштатных (один женский) и девять приписных. Кроме того, в 1860 г. был основан (по другой точке зрения – воссоздан) в Усть-Сысольском уезде общежительный Ульяновский Троицко-Стефановский монастырь (в документах никогда не указывалось статус штатного либо заштатного). Таким же общежительным стал созданный в 1894 г. в Яренском уезде Кытловская Крестовоздвиженская женская обитель. Отметим, что в Великоустюгском уезде с 1896 г. стал самостоятельным Гledenский монастырь, преобразованный в 1912 г. в женский. Еще раньше, в 1904 г. в Грязовецком уезде из мужского в женский был переустроен Арсениево-Комельский монастырь и в 1908 г. – Знаменно-Филипповская обитель. Отметим, что в Вельском и Никольском уездах Вологодской губернии в 1860-х – 1917 гг. православных монастырей не было [2, с. 549–569; 18, т. XLIV, часть вторая, кн. штатов, отд. III и IV, № 12060, с. 34, 35].

В соответствии с «Высочайше утвержденными ведомостями» 1764 г. численность проживавших в монастырях Российской империи устанавливалась в зависимости от их класса и статуса штатного или заштатного. Так, в мужских монастырях 1-го, 2-го и 3-го классов должно было проживать от 58 до 21 чел., в женских обителях собственно монашествующих – от 72 до 17 чел. [18, т. XLIV, часть вторая, кн. штатов, отд. III и IV, № 12060]. К середине XIX в. эти нормы далеко не всегда соблюдались. Состав заштатных монастырей не регламентировался и определялся формулой «сколько могут содержать».

Со времен Петра I братия православных монастырей формировалась преимущественно выходцами из «белого» духовенства [18, т. XXV, № 18921, с. 605–609]. После 1766 г. вводился запрет на пострижение в монашество лиц, «положенных в подушный оклад». В результате, например, в первой половине XIX в. далеко не каждый год и только отдельные удельные крестьяне Вологодской губернии, чаще даже крестьянки, уходили в монастыри [14]. Положение даже усугубилось после начала политики попечительства [13]. Пострижение в монахи среди населения Севера до проведения «великих реформ» было нечастым явлением.

Выделялось четыре основные категории лиц, проживавших в Вологодских монастырях и составлявших их общины: монашествующие (иноки и инокини), послушники (послушницы), бельцы (белицы) и служители. Понятия «послушники» и «бельцы» имеют различные трактовки.

Термин «бельцы» (женщины – белицы), исходя из первоначального значения от слова «белый», употребляется для обозначения «белого» духовенства, для наименования священников, дьяконов и причетников, противопоставляя их собственно монахам [23, с. 91]. В источниках сохранились упоминания о так наз. «белых» дьяках и священниках [5, ф. 1041, оп. 1, д. 11, л. 1–11; д. 50, л. 160б–24; и др.]. Иногда бельцов приравнивали к послушникам, которые готовятся к принятию иночества, противопоставляя их «черному» духовенству. Белицами в женских монастырях также называли всех лиц в обителях, кроме монашествующих [5, ф. 511, оп. 1, д. 26, л. 10–22; д. 35, л. 6–16]. Однако именно первая версия употребления термина «бельцы» в значении «белое» духовенство чаще всего отражается в источниках [4, ф. 232, оп. 1, д. 371, л. 7об; 5, ф. 1041, оп. 1, д. 88, л. 1–10; 16, ф. 364, оп. 1, д. 3455, л. 3; и др.].

В штатных монастырях различались «указные» («рясофорные» или «назывные») и «неназывные» послушники [5, ф. 520, оп. 1, д. 193, л. 4–10; ф. 522, оп. 1, д. 2, л. 6; ф. 526, оп. 1, д. 113, л. 62]. Это объясняет разницу в их статусе. «Указными» являлись собственно послушники, относящиеся к духовному сословию. «Неназывными» именовались лица, не причисленные по указам (официально) к штатному составу, но, по-видимому, готовые стать послушниками. Положение неуказных послушников не закреплялось в нормативных документах. Настоятели монастырей причисляли их в одних случаях к послушникам, в других – к бельцам [5, ф. 513, оп. 1, д. 5, л. 2; ф. 1041, оп. 1, д. 79, л. 15]. В ведомостях отмечались иногда отдельные неопределенные категории людей, обитавших в монастырях, такие как «проживающие без указанного определения, для приспособления к монастырскому порядку в надежде поступления на постоянство в монастырь», «временно трудящиеся по усердию» [16, ф. 23, оп. 1, д. 337, л. 38; ф. 437, оп. 1, д. 125, л. 7].

Особую категорию в монастырях составляли служители «для прочих в монастыре потребных служб» [18, т. XLIV, часть вторая, кн. штатов, отд. III и IV, № 12060]. Они формировались из состава казенных (государственных) крестьян и получали жалованье по штатному окладу [25, с. 75].

Кроме указанных категорий, в монастырях находились паломники и лица, которые несли церковные наказания [5, ф. 523, оп. 1, д. 157, л. 2]. Их пребывание в иноческих обителях носило временный характер (до года), и поэтому они, как правило, не относились к монастырской братии.

Различные формулировки, характеризующие лиц, проживавших в монастырях, усложняют анализ данных и обуславливают возможность погрешности. Однако имеющиеся в нашем распоряжении источники позволяют воссоздать общую динамику численного состава общин монастырей Вологодской губернии за период с 1860-х по 1917 г.

Проведение реформ 1860-х гг. привело к разрушению традиционных отношений в России, в т. ч. снимались ограничения, запрещавшие постригать в монашество крестьян. В ходе отмены крепостного права бывшие зависимые сельские жители получили личную свободу, но не всегда знали, как ею распорядиться. Одновременно реформа привела к сокращению угодий крестьян и ограничению хозяйственных возможностей их дворов, возложила на сельчан дополнительные расходы, связанные с выкупными платежами. В связи с разрушением общины они теряли ощущение защищенности, уверенности в завтрашнем дне [7; 9; 12].

С другой стороны, обители с удовольствием принимали в послушники и монахи крестьян, привыкших к тяжелому физическому труду. Монастыри получали значительные доходы, что гарантировало их братии уверенность в завтрашнем дне, во всяком случае, гарантировало обеспечение пропитанием. В поисках стабильности и лучшей доли часть крестьян стала уходить не только в города, но и в иноческие общины.

Естественно, что стали разрабатываться новые законы, направленные на регулирование пополнения монастырских общин и отношений внутри них. По указу Святейшего синода 1865 г. вводилось упрощение принятия монашеского пострига, но для классных монастырей оставались определенные ограничения – пострижение в них «...допускается по соображению имеющихся в них вакансии». Такие ограничения не распространялись на заштатные монастыри, на содержание которых выделялись ограниченные государственные средства, и поэтому в них «дозволяется принимать столько братии, сколько обитель может содержать» [17, т. XL, собр. 1, № 42505, с. 989].

Желавшие стать иноками обращались к настоятелям обителей с прошениями, в которых указывался монастырь, где проситель намеревался пребывать. К прошению прилагались рекомендация благочинного и «свидетельства», удостоверявшие, что для пострижения нет препятствий. Процедура официального поступления в монастырь в число послушников означала переход в другое сословие, и лицам из податных сословий помимо личного прошения было необходимо иметь увольнительные свидетельства из губернской казенной палаты. Только после получения этих документов решалось дело о зачислении в послушники крестьян и мещан [4, ф. 232, оп. 1, д. 220, л. 9, 9об]. В соответствии с законом в годовых отчетах в Святейший синод монастыри были обязаны предоставлять «сведения по форме о числе постриженных» [17, т. XL, собр. 1, № 42505, с. 989].

В результате, в пореформенный период в большинстве монастырей Вологодской губернии более 50 % послушников и монахов оказались выходцами из крестьянского сословия, о чем свидетельствуют материалы табл. 1. С другой стороны, в 1860-х гг. в монастырях отсутствовали штатные служители. Эта категория монастырских общин с 1764 г. состояла в иноческих обителях на штатном окладе и формировалась из государственных крестьян. После изменения их положения в 1865 г. и снятия с них штатного оклада [25, с. 75] эти служители не фигурировали в монастырских отчетах.

В табл. 1 обобщены сведения о социальном происхождении братии в разное время за 1864–1908 гг. на примере трех монастырей Вологодской губернии. Во всех указанных православных обителях значительный рост численности общин обеспечивался посредством поступления в монастыри, прежде всего крестьян. Однако определенное число общины формировалось и за счет других сословных групп.

Из 66 чел., проживавших в Вологодском Горнем Успенском женском 3-классном монастыре в 1864 г., 38 (57,6 %) были родом из крестьян. Выходцев из других сословий было значительно меньше: из духовенства – 12 чел. (18,2 %), из мещанства – 11 чел. (16,7 %), из дворянства – два чел. (3,0 %), а также по одному чел. (всего по 1,5 %) – из купечества и военного сословия (см. табл. 1). Одна послушница была сиротой, поэтому ее происхождение не удалось установить [5, ф. 511, оп. 1, д. 134, л. 2].

В северо-восточной оконечности Вологодской губернии отсутствовали дворяне и военные, да и купцов проживало очень мало. Такое отличие структуры жителей северо-востока от структуры населения в южных уездах и предопределяло специфику состава иноков. Так, в Ульяновском Троицко-

Стефановском мужском монастыре Усть-Сысольского уезда, по данным на 1861 г. (через год после основания обители), насчитывалось всего 6 чел. [4, ф. 232, оп. 1, д. 63, л. 8об–29]. В 1870 г. здесь проживало 12 монахов и 11 послушников, из них 14 чел. были родом из крестьян (60,9 %). Кроме того, в Ульяновской обители находились пять выходцев из мещанства (21,7 %), трое (13,0 %) – из духовенства и только один (всего 4,3 %) – из купечества (см. табл. 1). К концу XIX в. братия монастыря насчитывала 60 чел., но выходцы из крестьян по-прежнему составляли основную их часть [16, ф. 23, оп. 1, д. 8, л. 1об].

Таблица 1

**Сословное происхождение проживавших в монастырях Вологодской губернии
в 1864–1908 гг., чел.**

Категория братии	Сословия						всего
	крестьяне	мещане	купцы	дворяне	военные	духовенство	
Горний Успенский женский монастырь, 3-классный (1864 г.)							
монахини	5	6	1	1	0	2	15
послушницы	14	1	0	1	1	7	25 ¹
«неназывные» послушницы («живущие на испытании»)	19	4	0	0	0	3	26
итого	38	11	1	2	1	12	66
Троицко-Стефановский Ульяновский мужской общежительный монастырь (1870 г.)							
монахи	7	2	1	0	0	2	12
послушники	7	3	0	0	0	1	11
итого	14	5	1	0	0	3	23
Крестовоздвиженский Кытловский общежительный монастырь (1908 г.)							
монахини	10	1	0	0	1	1	12
послушницы	96	1	0	0	1	0	98
итого	106	2	0	0	2	1	110

Источники: 5, ф. 511, оп. 1, д. 134, л. 1–2; 4, ф. 232, оп. 1, д. 63, л. 8–29, 31об, 32; 16, ф. 23, оп. 1, д. 266, л. 10–33.

Пики зачисления в монастыри Вологодской губернии приходились на неурожайные годы и обеспечивались за счет притока выходцев опять же из крестьян. Несмотря на то, что в 1891–1892 гг. был сформирован Вологодский епархиальный комитет для вспоможения пострадавшим, меры, предпринимаемые для борьбы с последствиями неурожая, остались малоэффективными: за два года существования епархиальный комитет собрал около 30 тыс. руб., что в среднем соответствовало доходам за тот же период одного Ульяновского монастыря [24]. Понятно, что этих средств было недостаточно, чтобы обеспечить всех, кто нуждался в помощи. В такой ситуации уход крестьян в монастырь был вынужденной мерой – чтобы выжить в голодные годы.

В 1890-х гг. в Ульяновский Троицко-Стефановский монастырь зачислялось в среднем по 4–5 послушников ежегодно. Так, в 1892 г. в качестве послушников в монастырь поступило шесть крестьян Усть-Сысольского уезда: Иван Евстафьевич Ушаков, Василий Афанасьевич Митюшев, Илья Афанасьев, Василий Афанасьевич Налимов, Дмитрий Федорович Надтьев и Степан Иванович Яруков [4, ф. 232, оп. 1, д. 211, л. 2, 2об, 21, 21об, 26]. Несмотря на предписание обязательного трехлетнего «искуса», в 1893 г. в обход закона Дмитрий Надтьев уже принял монашеский постриг [4, ф. 232, оп. 1, д. 220, л. 1]. С 1894 г. послушниками в Ульяновскую обитель стали зачислять даже крестьян из соседнего Яренского уезда, в котором не было мужских монастырей [4, ф. 232, оп. 1, д. 228, л. 2, 2об].

В женских монастырях Вологодской епархии социальный состав общины в конце XIX – начале XX в. также значительно обновился. В начале XX в. Кытловский Крестовоздвиженский монастырь являлся самой многочисленной женской обителью в Вологодской губернии и, пожалуй, самой «крестьянской» по составу. В нем в 1908 г. из 12 монахинь 10 (83,3 %) и из 98 послушниц 96 (98,0 %) были родом из крестьянских семей. В обители проживали по одной монахине и одной послушнице из мещан и военного сословия и одна инокиня из духовенства (см. табл. 1).

¹ Сословная принадлежность одной послушницы не выявлена.

Преобладание выходцев из крестьянства в общинах монастырей в конце XIX – начале XX в. наблюдалось не только в Вологодской губернии. По данным, приведенным В. А. Федоровым, в Архангельской и Тамбовской епархиях от 66 до 73 % «населенников» в монастырях были выходцами из крестьянства [2, с. 63]. Это явление нужно рассматривать как особенность провинциальных монастырей в пореформенный период. В монастырях тогдашней второй столицы социальное происхождение иноков было другим. Как отмечала Т. В. Балашова, в мужских обителях Москвы преобладали выходцы из духовенства, и лишь в женских в большинстве были «бывшие крестьянки и мещанки», а также значительная часть дочерей купцов и дворян [1, с. 18].

При назначении на управленческие должности социальное происхождение монахов имело важное значение. Несмотря на превалирование выходцев из крестьянства среди проживавших в мужских и женских монастырях в конце XIX – начале XX в., все настоятели мужских обителей в Вологодской губернии были родом из семей «белого» духовенства [16, ф. 364, оп. 1, д. 364, л. 43–90; ф. 23, оп. 1, д. 8, 9, 19, 81–83, 87–89, 96, 106; и др.].

Иная ситуация складывалась в «девичьих» монастырях. Например, настоятельницами в женских обителях центральной части Российской империи назначались преимущественно дворянки, принявшие монашеский постриг [1, с. 20]. Такое практиковалось и в юго-западных уездах Вологодской губернии, в которых, напомним, имелись помещичьи имения. Так, в Вологодском Горнем Успенском трехклассном монастыре были случаи назначения настоятельницами дворянок. Подтверждением этому является биография игуменьи Смарагды, принявшей постриг и ставшей в 40 лет игуменьей [5, ф. 511, оп. 1, д. 134, л. 1об, 2].

В отдаленных общежительных женских обителях Вологодской епархии игуменьи, как правило, были родом из мещанского сословия или, происходили из среды разночинцев [5, ф. 511, оп. 1, д. 134, л. 1об, 2; 16, ф. 23, оп. 1, д. 108, л. 2–25]. Например, настоятельница Кытловского Крестовоздвиженского монастыря Филарета была из семьи разночинца. Овдовев, она приняла монашеский постриг [16, ф. 23, оп. 1, д. 142, л. 2–30; д. 266, л. 10–33]. В выявленных архивных источниках по истории монастырей Вологодской губернии нами не было обнаружено ни одного случая назначения на должности настоятелей и настоятельниц выходцев из крестьянства. Можно отметить, что для других северных губерний также было не характерно назначение настоятелей и настоятельниц из крестьян. О таком редком случае, в частности, упоминает Ю. Н. Кожевникова в исследовании о монастыре Олонецкой губернии.

На рубеже XIX–XX вв. в штатных монастырях Вологодской епархии по-прежнему сохранялась недостаточность братии, преимущественно в Великоустюгском уезде. В рапорте за первую половину 1900 г. благочинный монастырей Великоустюгского викариатства Павел сообщал епископу Гавриилу о недостаточном числе священнослужителей и монашествующих в мужских обителях [16, ф. 23, оп. 1, д. 105, л. 12]. В Михайло-Архангельском двухклассном мужском монастыре численность братии была более чем в три раза меньше предписанной по штатным ведомостям. В 1901–1910 гг. вместо 34 чел. там проживало девять иноков и один послушник, или менее трети от штата (см. источники к табл. 2).

Материалы табл. 2 свидетельствуют, что основная часть монастырей Вологодской епархии оставались малонаселенными, хотя в течение времени в некоторых из них и увеличивалось число проживавших. Так, с 1861–1870 по 1911–1917 гг. численность братии в Спасо-Каменном Духове мужском 3-классном монастыре увеличилась с 13 до 36 чел. или почти в 2,8 раза (в т. ч. с 7 до 11 иноков или в 1,6 раза). Однако в основном в монастырях региона наблюдалась своеобразная консервация малолюдности. Например, с 1861–1870 по 1911–1917 гг. в Николаево-Прилуцком мужском заштатном монастыре число проживающих ненамного уменьшилось, с 13 до 12 (иноков оставалось по четыре). За тот же период более значительно сократилась численность братии в Спасо-Прилуцкой мужской 2-классной обители – с 21 до 12 чел. или в 1,8 раза (иноков с 11 до 7 или в 1,6 раза), в Знаменно-Филипповской заштатной пустыни с 1861–1870 по 1901–1910 гг. – с 11 до 7 чел. или в 1,6 раза, при 5–6 иноках (см. табл. 2).

По-другому складывалась ситуация в новом Ульяновском Троицко-Стефановском мужском общежительном монастыре – здесь число братии с 7 чел. (включая трех иноков) в среднем за 1861–1870 гг. выросло до 81 чел. в 1911–1917 гг. (включая 44 иноков). Иными словами, общая численность братии в этой обители за указанные периоды увеличилась в 11,6 раза, иноков – в 17,7 раза и бельцов – в 29 раз (с 1 до 29 чел.). Правда, число послушников увеличилось только в 2,7 раза (с трех до восьми чел.). Однако с 1861–1870 по 1901–1910 гг. численность послушников возросла с 3 до 56 чел., или

в 18,7 раз. Затем, в 1911–1917 г., по нашему мнению, они перешли в разряд иноков (маловероятно, что послушники-крестьяне стали бельцами, т. е. священниками), в т. ч. и с целью избежать мобилизации после 1914 г. (см. табл. 2).

Таблица 2

Динамика численности братии в монастырях Вологодской губернии в 1861–1917 гг.

Монастыри	Категория братии	1861-1870	1871-1880	1881-1890	1891-1900	1901-1910	1911-1917
Спасо-Прилуцкий, муж., 2-клас.	иноки	11	7	10	10	11	7
	послушники	7	10	6	18	0	3
	бельцы	3	3	1	0	1	1
	всего	21	20	17	28	12	11
Спасо-Каменный Ду-хов, муж., 3-клас.	иноки	7	9	8	7	8	11
	послушники	0	0	12	15	26	25
	бельцы	6	5	2	1	3	0
	всего	13	14	22	23	37	36
Спасо-Каменный муж., зашт.	иноки	–	–	–	8	8	9
	послушники	–	–	–	15	16	11
	бельцы	–	–	–	1	5	0
	всего	–	–	–	24	29	20
Горне-Успенский жен., 3-клас.	инокини	16	20	30	20	–	18
	послушницы	51	92	69	61	–	50
	белицы	3	0	0	0	–	0
	всего	70	112	99	81	–	68
Знаменно-Филипповский муж., зашт. (с 1908 г. – жен.)	иноки	5	4	4	6	6	–
	послушники	0	1	0	0	1	–
	бельцы	6	9	3	0	0	–
	всего	11	14	7	6	7	–
Николаево-Прилуцкий муж., зашт.	иноки	4	5	5	3	5	4
	послушники	0	0	0	9	3	8
	бельцы	9	5	2	1	1	0
	всего	13	10	7	13	9	12
Иоанно-Предтечев жен., 3-клас.	инокини	18	19	14	16	19	–
	послушницы	54	36	25	100	56	–
	всего	72	55	39	116	75	–
Ульяновский Троицко-Стефановский, муж., общежительный	иноки	3	13	34	39	19	44
	послушники	3	21	13	20	56	8
	бельцы	1	0	13	0	0	29
	всего	7	34	60	59	75	81
Кылтовский Кресто-воздвиженский жен., общежительный	инокини	–	–	–	11	9	15
	послушницы	–	–	–	21	43	127
	белицы	–	–	–	1	1	1
	всего	–	–	–	32	53	143

Примечание: 1. Знак «–» означает, что данные в источниках не выявлены. 2. Подсчитаны средние за периоды (8–10 лет) показатели численности проживавших в монастырях.

Источники: 5, ф. 511, оп. 1, д. 134, л. 1–26; д. 144, л. 1–80об; д. 178, л. 11–27; д. 206, л. 2–32; д. 226, л. 8–47; ф. 512, оп. 1, д. 787, л. 1–20; д. 828, л. 1–15; д. 876, л. 1–6; д. 972, л. 8–24; д. 1260, л. 1–2; д. 1334, л. 1–7; д. 1337, л. 5об; ф. 513, оп. 1, д. 5, л. 1–2; д. 6, л. 9–15; д. 11, л. 2–10; д. 18, л. 14–22; ф. 515, оп. 1, д. 1, л. 4–15; д. 7, л. 2–12; д. 10, л. 3–11; д. 13, л. 1–6; ф. 519, оп. 1, д. 204, л. 1–11; д. 225, л. 4–13; д. 261, л. 77; д. 279, л. 1–8; д. 299, л. 20–40; ф. 520, оп. 1, д. 177, л. 2–17; д. 193, л. 2–12; д. 229, л. 7–24; д. 293, л. 1–6; ф. 521, оп. 1, д. 108, л. 2–23; д. 122, л. 52–64; д. 142, л. 62–75; д. 155, л. 5–18; ф. 522, оп. 1, д. 34, л. 3–9; д. 51, л. 2–16; д. 86, л. 2–15; д. 109, л. 2–14; ф. 523, оп. 1, д. 157, л. 1–2; д. 183, л. 1–8; ф. 526, оп. 1, д. 113, л. 52–66, 130–145; ф. 1041, оп. 1, д. 79, л. 9, 15, 17; д. 82, л. 9–18; д. 88, л. 34; д. 113, л. 20; д. 118, л. 2–10; д. 135, л. 1–10; д. 138, л. 1–10; д. 143, л. 1–12; 4, ф. 232, оп. 1, д. 23, л. 1–6об; д. 25, л. 3, 3об, 18; д. 35, л. 167–170об; д. 36, л. 2–6об;

д. 63, л. 8об–29, 31об, 32; д. 75, л. 218–222; д. 77, л. 405–409; д. 78, л. 374–376об; д. 79, л. 403–405об; д. 80, л. 409–413; д. 111, л. 1–4об; д. 112, л. 2–6; д. 139, л. 1–4, 7, 8; д. 381, л. 44; д. 248, л. 4–5об, 23, 23об, 28–29об; 16, ф. 23, оп. 1, д. 8, л. 1об, 5, 22–30, 51, 54–55, 64–81; д. 19, л. 26–37, 56–63, 64–84, 89–112; д. 105, л. 16об, 17; д. 108, л. 10–20; д. 337, л. 14–38; д. 342, л. 6, 9–27; д. 343, л. 10, 14–32; д. 344, л. 18, 20–26; ф. 364, оп. 1, д. 7547, л. 1–12; ф. 435, оп. 1, д. 185, л. 2–21; д. 237, л. 2–17; ф. 436, оп. 1, д. 138, л. 2–11; ф. 437, оп. 1, д. 125, л. 4–8; д. 149, л. 2–12; д. 187, л. 4–6; ф. 438, оп. 1, д. 53, л. 2–4; д. 75, л. 4–9; д. 100, л. 4–9.

Таблица 3

Динамика возрастного состава братии в монастырях Вологодской губернии в 1861–1917 гг.

Монастыри	Категория братии	1861–1870	1871–1880	1881–1890	1891–1900	1901–1910	1911–1917
Спасо-Прилуцкий, муж., 2-клас.	иноки	49	40	45	56	58	53
	послушники	29	26	35	31	0	49
	бельцы	46	30	66	0	57	86
	в среднем	41	32	49	44	58	63
Спасо-Каменный Духов, муж., 3-клас.	иноки	51	49	48	55	50	47
	послушники	0	0	31	23	29	35
	бельцы	27	31	42	48	56	0
	в среднем	39	40	40	42	45	41
Спасо-Каменный муж., зашт.	иноки	–	–	–	53	58	57
	послушники	–	–	–	27	31	29
	бельцы	–	–	–	48	53	0
	в среднем	–	–	–	43	47	43
Горне-Успенский жен., 3-клас.	инокини	54	60	56	63	–	61
	послушницы	39	47	48	54	–	49
	белицы	53	0	0	0	–	0
	в среднем	49	54	52	59	–	55
Знаменно-Филипповский муж., зашт. (с 1908 г. – жен.)	иноки	53	61	45	61	63	–
	послушники	0	33	0	0	41	–
	бельцы	30	25	40	0	0	–
	в среднем	42	38	43	61	52	–
Николаево-Прилуцкий муж., зашт.	иноки	40	54	51	48	52	56
	послушники	0	0	0	44	46	48
	бельцы	22	33	50	45	47	0
	в среднем	31	44	51	46	48	52
Иоанно-Предтечев жен., 3-клас.	инокини	62	62	67	64	67	–
	послушницы	42	42	46	49	48	–
	в среднем	52	52	57	57	58	–
Ульяновский Троицко-Стефановский, муж., общежительный	иноки	40	45	55	54	55	57
	послушники	28	29	44	51	51	53
	бельцы	38	0	41	0	0	41
	в среднем	35	37	47	53	53	50
Кылтовский Крестовоздвиженский жен., общежительный	инокини	–	–	–	59	60	59
	послушницы	–	–	–	22	29	31
	белицы	–	–	–	28	55	50
	в среднем	–	–	–	36	45	47

Примечание: 1. Знак «–» означает, что сведения в источниках не выявлены или монастыря не было; 2. Подсчитаны средние за периоды (8–10 лет) показатели возраста братии и сестер.

Источники: см. к табл. 2.

В женских обителях численность обитавших была выше, по сравнению с большинством мужских. Во всяком случае, в Иоанно-Предтечеве 3-классном монастыре в 1861–1870 гг. значились 18 инокинь и 54 послушницы и в 1901–1910 гг. – 19 инокинь и 56 послушниц, в Троицко-Гледенском 3-классном в 1911–1917 гг. – 6 инокинь и 41 послушница, в только что основанном Кылтовском Кре-

стовоздвиженском уже в 1894–1900 гг. проживали 11 инокинь и 21 послушница, в 1911–1917 гг. – 15 инокинь и 127 послушниц. С другой стороны, с 1861–1870 по 1911–1917 гг. в Горне-Успенской обители, как и в ряде мужских монастырей Вологодской епархии, численность проживавших ненамного сократилась – с 70 до 68 чел. – при небольшом увеличении инокинь (см. табл. 2). В 1914 г. в России женское иночество численно преобладало: в мужских монастырях насчитывалось 11485 иноков и 9485 послушников, тогда как в женских монастырях – 17283 инокини и 56016 послушниц [8, с. 55; 25, с. 63]. Иными словами, инокинь было в 1,5 раза больше, чем иноков, число послушниц в 3,2 раза превосходило число послушников. Однако в ряде регионов такой заметной разницы иночества в мужских и женских обителях не замечалось. Так, по выявленным показателям по большинству обителей за 1911–1917 гг. братия мужских монастырей в Вологодской губернии составляла 328 чел., в женских проживал 341 чел., т. е. наблюдался почти численный паритет обитавших в мужских и женских обителях (см. источники к табл. 2).

П. Н. Зырянов отмечает обозначившиеся в XIX в. явные различия между монастырями северных и южных епархий: если на Юге монашеские обители процветали и изобиловали братией, то на Севере многие из них приходили в запустение [8, с. 55].

Другая тенденция, проявившаяся в Вологодской епархии после отмены крепостного права, была связана со «старением иночества» в мужских монастырях. В них, по данным табл. 3, с 1861–1870 по 1911–1917 гг. средний возраст братии увеличился: в Спасо-Прилуцком – с 41 до 63 лет, или на 53,7 % (иноков – с 49 до 53 лет, или на 8,2 %), в Уляновском Троицко-Стефановском – с 35 до 50 лет, или на 42,9 % (иноков – с 40 до 57 лет, или на 42,5 %). Еще более характерными оказались показатели по Николаево-Прилуцкой мужской обители, в которой в среднем за указанные годы братия повзрослела на 67,7 % – с 31 до 52 лет, иноки на 40,0 % – с 40 до 56 лет. В эти же годы среди мужских монастырей Вологодской губернии только в Спасо-Каменном Духове монастыре наблюдалось отличие от общей тенденции: в нем средний возраст братии повысился всего на два года (с 39 до 41 года), или на 5,1 %, тогда как иноки стали даже моложе на 4 года (с 51 до 47 лет), или на 7,8 % (см. табл. 3).

В отличие от мужских, в женских обителях Вологодской губернии возрастные показатели проживавших отличались ярко выраженной противоречивостью. Так, с 1861–1870 по 1911–1917 гг. в Горне-Успенском женском монастыре возраст монашествующих увеличился с 49 до 55 лет, или на 12,2 % (инокинь – с 54 до 61 года, или почти на 13 %). Напротив, возраст инокинь Кылтовской Крестовоздвиженской обители с 1891–1900 по 1911–1917 гг. не изменился, но средний возраст всех обитавших в ней отвечал общей тенденции и возрос с 36 до 47 лет, или на 30,6 % (см. табл. 3).

Отметим, что по выявленным источникам период с 1861 по 1917 г. был связан с ярко выраженным «старением» иноков в мужских монастырях, средний возраст которых в Вологодской губернии увеличился с 40 лет в 1870-х гг. до 59 лет в 1910–1917 гг. В женских монастырях региона, напротив, наблюдалась тенденция к уменьшению возраста – с 53 лет в 1870-х гг. до 49 лет в 1910–1917 гг. Для сравнения: в обителях Москвы в конце XIX – начале XX в. средний возраст монахов составлял 52,5 года, монахинь – 53 года [1, с. 18].

Сопоставляя данные по монастырям Москвы и Вологодской губернии за период с конца XIX до начала XX в., можно заметить некоторые региональные особенности. Несмотря на то, что женщин принимали в монашество в более зрелом возрасте, чем мужчин, в Вологодской губернии по средним показателям монашествующие в «девичьих» монастырях нередко оказывались моложе. Это обеспечивалось за счет поступления в послушницы значительного числа молодых девушек из северной губернии. При этом в мужских обителях Вологодской епархии, в отличие от Москвы, почти отсутствовали молодые иноки, представители т. н. ученого иночества.

Таким образом, в пореформенный период, несмотря на предписания властей о сохранении равного соотношения иноков и послушников, численность лиц на «послушании» значительно отличалась от установленной штатной нормы. В целом по Российской империи, в т. ч. по Вологодской губернии, в мужских монастырях иноков было больше, чем послушников. Напротив, послушницы численно преобладали над инокинями: в России в 2–3 раза, в Вологодской губернии даже в 3–4 раза.

К началу XX в. увеличилась численность монашествующих и послушников в отдельных монастырях. Наибольшее их число в Вологодской губернии наблюдалось в новых развивающихся монастырях – в Уляновском Троицко-Стефановском мужском и Кылтовском Крестовоздвиженском женском. Однако в целом по Вологодской епархии отмечался недостаток мужского иночества. С другой стороны, происходило уменьшение численности братии в штатных обителях. Часто это наблюдалось

в древних обителях, плохо приспособившихся к новым условиям развития страны и общества, сложившимся в пореформенный период.

В женских монастырях, наоборот, численность монахинь была, как правило, больше установленной штатом, что предопределило преобразование нескольких мужских обителей в женские. В них происходило обновление состава за счет значительного вливания в монашество представителей крестьянства. При этом выходцы из этого сословия были исключены из управления монастырями.

В 1860-х – 1917 гг. в целом наблюдалась стабилизация и некоторое увеличение численности монашества в Вологодской губернии. Однако социальная структура монастырских «населенников» была подвержена изменениям, которые обуславливались новыми явлениями в социально-экономическом развитии России. Получили развитие такие явления, как неравномерное распределение братии по обителям, умножение представительств в монастырях выходцев из крестьян, увеличение возраста проживающих в мужских обителях и численное преобладание женского иночества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Балашова Т. В.* Московские монастыри в социокультурной среде столичного города второй половины XIX – начала XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2007. 25 с.
2. Вологодская губерния: мужских 28, женских 5 // Православные русские обители: полное иллюстрированное описание православных русских монастырей в Российской Империи и на Афоне / сост. П. П. Сойкин. СПб., 1994. С. 72–102.
3. *Гагарин Ю. В.* История религии и атеизма народа коми. М.: Наука, 1978. 326 с.
4. Государственное учреждение Республики Коми «Национальный архив Республики Коми» (ГУ РК «НА РК»). Ф. 232 – Троицко-Стефановский Ульяновский монастырь.
5. Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 511 – Горно-Успенский женский монастырь, г. Вологда Вологодской губернии; Ф. 513 – Рождества Богородицы Сямский мужской монастырь, Вологодский уезд Вологодской губернии; Ф. 520 – Корнилиево-Комельский мужской монастырь, Грязовецкий уезд Вологодской губернии; Ф. 522 – Григорьево-Пельшемский Лопотов мужской монастырь, г. Вологда Вологодской губернии; Ф. 523 – Дионисиево-Глушицкий мужской монастырь, Кадниковский уезд Вологодской губернии; Ф. 526 – Спасо-Суморинский монастырь; Ф. 1041 – Свято-Духов мужской монастырь, г. Вологда Вологодской губернии.
6. *Есеева О. В.* Пинежские монастыри Архангельской губернии в XVII – начале XX века: дис. ... канд. ист. наук. Сыктывкар, 2006. 288 с.
7. *Зайончковский П. А.* Отмена крепостного права в России. Изд. 3. М.: Просвещение, 1968. 368 с.
8. *Зырянов П. Н.* Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX века. М.: Вербум-М, 2002. 319 с.
9. *Иванюков И. И.* Падение крепостного права в России. СПб.: Изд. Товарищества «Общественная польза», 1903. 400 с.
10. *Камкин А. В.* Православная церковь на Севере России. Очерки истории до 1917 года. Вологда: ВГПИ, 1992. 162 с.
11. *Кожевникова Ю. Н.* Православные монастыри и монашество Олонецкой епархии во второй половине XVIII – начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2006. 381 с.
12. *Котов П. П.* К вопросу о реформе 1863 г. на Севере // Изучение аграрной истории Европейского Севера СССР на современном этапе. Сыктывкар, 1989. С. 78–83.
13. *Котов П. П.* Политика попечительства удела и ее результаты: на примере Европейского Севера России // Вестник Удмуртского университета. Серия 5: История и филология. 2012. Вып. 3. С. 103–107.
14. *Котов П. П.* Удельные крестьяне на Европейском Севере России: размещение и демографические процессы // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Серия: Общественные и гуманитарные науки. № 1 (130). Февраль, 2013. С. 18–22.
15. *Митрополит Макарий (Булгаков).* История Русской Церкви. 12 томов. [Репринтное издание 1864–1886 гг.]. М., 1994–1998.
16. Муниципальное казенное архивное учреждение Великоустюгского муниципального района «Великоустюгский центральный архив» (МКАУ ВУЦА). Ф. 23 – Канцелярия Велико-Устюгского епископа; Ф. 364 – Великоустюгское духовное правление; Ф. 435 – Великоустюгский Иоанно-Предтеченский монастырь.
17. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Второе. Т. I–LV. СПб., 1830–1881. (ПСЗРИ-2).
18. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Т. I–VL. СПб., 1830. (ПСЗРИ-1).
19. *Пулькин М. В., Захарова О. А., Жуков А. Ю.* Православие в Карелии (XV – первая треть XX в.). М.: Круглый год, 1999. 208 с.
20. *Рожина А. В.* Доходы монастырей Вологодской губернии в конце XVIII – начале XX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2012. № 4/2 (76). С. 180–183.

21. *Рожина А. В.* Феминизация монашества на Европейском Севере России в начале XX в. // Теоретические и прикладные аспекты современной науки: сборник научных трудов по материалам VIII Международной научно-практической конференции 27 февраля 2015 г.: в 7 ч. Белгород: ИП Петрова, 2015. Ч. IV. С. 44–46.
22. *Роцевская Л. П.* Экономика Ульяновского монастыря в Коми крае 1866–1917 гг. / Проблемы истории России XVIII–XX веков (Научные чтения памяти профессора Ю.Д. Марголиса). Сыктывкар: ИПО СГУ, 1997. С. 64–73.
23. *Спиридонов А. М., Яровой О. А.* Валаам: от апостола Андрея до игумена Иннокентия. Очерки истории Валаамского монастыря. М.: Прометей, 1991. 125 с.
24. Список денежных пожертвований в Вологодский епархиальный комитет для вспоможения пострадавшим от неурожая // Вологодские епархиальные ведомости (ВЕВ). 1892. № 1–4, 7, 8, 10, 12, 13.
25. *Федоров В. А.* Русская православная церковь и государство. Синодальный период (1700–1917). М.: Рус. панорама, 2003. 479 с.

Поступила в редакцию 18.12.2021

Котов Петр Павлович, кандидат исторических наук, доцент,
заведующий сектором отечественной истории
Института языка, литературы и истории
ФГБУН «Федеральный исследовательский центр Коми научный центр» УрО РАН
167001, Россия, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26
E-mail: kotovpetr55@mail.ru

Рожина Анастасия Владимировна, кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории России и зарубежных стран
ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина»
167001, Россия, г. Сыктывкар, Октябрьский проспект, 55
E-mail: arojina@bk.ru

P.P. Kotov, A.V. Rozhina

**THE COMPOSITION OF THE BRETHERN IN THE ORTHODOX MONASTERIES
OF THE VOLOGDA PROVINCE IN THE 1860s – 1917**

DOI: 10.35634/2412-9534-2022-32-6-1197-1208

After the abolition of serfdom in Russia, the composition of Orthodox monasteries radically changed due to the arrival of immigrants from the peasant class, who began to make up more than half of the monastics in the monasteries of the Vologda province. At the same time, in some monasteries of the province there was a decrease in the number of residents, in others — a kind of stabilization of the monastic community. In some monasteries, especially in women's monasteries, there was an increase in the number of inhabitants. However, in the 1860s — 1917 in the main male regular monasteries of the Vologda province, the number of residents was below the established standards. On the other hand, during the time there was a clear “aging” of male monasticism in the province, while the age characteristics of those who lived in female monasteries were multidirectional. Clear positive trends in the number of monks and sisters and their age indicators were observed in the new cenobitic monasteries — in the Ulyanovsk Trinity-Stefanovsky male and Kylvovsky Holy Cross female monasteries.

Keywords: Vologda province, regular and minor monasteries, cenobitic monasteries, monks, novices, Balti.

REFERENCES

1. *Balashova T. V.* Moskovskie monastyri v sociokul'turnoj srede stolichnogo goroda vtoroj poloviny XIX – nachala XX veka: avtoref. ... kand. ist. Nauk [Moscow monasteries in the socio-cultural environment of a capital city of the second half of the XIX – early XX century: abstract of diss.... cand. sci. (History)]. Moscow, [n. a.], 2007, 25 p. (In Russian).
2. *Vologodskaya guberniya: muzhskih 28, zhenskih 5* [Vologda province: 28 male, 5 female]. *Pravoslavnye russkie obiteli: polnoe illyustrirovannoe opisanie pravoslavnyh russkih monastyrej v Rossijskoj Imperii i na Afone* [sost. P. P. Soykin] [Russian Orthodox Monasteries: a complete illustrated description of Orthodox Russian monasteries in the Russian Empire and on Mount Athos [comp. P.P. Soykin]]. St. Petersburg, [n. a.], 1994, pp. 64–73. (In Russian).
3. *Gagarin Yu. V.* Istoriya religii i ateizma naroda komi [History of Religion and Atheism of the Komi people]. Mos-

- cow, "Nauka" Publ., 1978, 326 p. (In Russian).
4. Gosudarstvennoe uchrezhdenie Respubliki Komi «Nacional'nyj arhiv Respubliki Komi» (GU RK «NA RK») [State institution of the Komi Republic "National Archive of the Komi Republic" (GU RK "NA RK")]. (In Russian, unpublished).
 5. Gosudarstvennyj arhiv Vologodskoj oblasti (GAVO) [State archive of Vologda district (SAVD)]. (In Russian, unpublished).
 6. *Eseeva O. V.* Pinezhskie monastyri Arhangel'skoj gubernii v XVII – nachale XX veka: dis. ... kand. ist. nauk [Pinega monasteries of the Arkhangelsk province in the 17 – early 20 century: diss. ... cand. sci. (History)]. Syktyvkar, [n. a.], 2006. 288 p. (In Russian).
 7. *Zajonchkovskij P. A.* Otmena krepostnogo prava v Rossii. Izd. 3 [Abolition of serfdom in Russia. Edition 3]. Moscow, "Enlightenment" Publ., 1968, 368 p. (In Russian).
 8. *Zyryanov P. N.* Russkie monastyri i monashestvo v XIX i nachale XX veka [Russian monasteries and monasticism in the 19 and early 20 centuries]. Moscow, "Verbum-M" Publ., 2002, 319 p. (In Russian).
 9. *Ivanyukov I. I.* Padenie krepostnogo prava v Rossii [The fall of serfdom in Russia]. St.Petersburg, "Public Benefit" Society Publ., 1903, 400 p. (In Russian).
 10. *Kamkin A. V.* Pravoslavnaya cerkov' na Severe Rossii. Ocherki istorii do 1917 goda [The Orthodox Church in the North of Russia. Essays on history before 1917]. Vologda, Vologda State Pedag. Inst. Press, 1992, 162 p. (In Russian).
 11. *Kozhevnikova Yu. N.* Pravoslavnye monastyri i monashestvo Oloneckoj eparhii vo vtoroj polovine XVIII – nachale XX v.: dis. ... kand. ist. nauk [Orthodox monasteries and monasticism of the Olonets diocese in the second half of the 18 – early 20 century: diss. ... cand. sci. (History)]. St.Petersburg, [n. a.], 2006, 381 p. (In Russian).
 12. *Kotov P. P.* K voprosu o reforme 1863 g. na Severe [To the question of the reform of 1863 in the North]. Izuchenie agrarnoj istorii Evropejskogo Severa SSSR na sovremennom jetape [The study of agricultural history of the European North of the USSR at the present stage]. Syktyvkar, [n. a.], 1989, pp. 78–83. (In Russian).
 13. *Kotov P. P.* Politika popечitel'stva udela i ee rezul'taty: na primere Evropejskogo Severa Rossii [The supervising of Tsar's apanage and its results: the example of the Russian European North]. Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya 5: Istoriya i filologiya [Bulletin of Udmurt University. Series History and Philology], 2012, issue 3, pp. 103–107. (In Russian).
 14. *Kotov P. P.* Udel'nye krest'jane na Evropejskom Severe Rossii: razmeshhenie i demograficheskie process [Tsar's family peasants in European North of Russia: distribution and demographic processes]. Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Obshchestvennye i gumanitarnye nauki [Scientific Journal proceedings of Petrozavodsk State University. Series: Social Sciences & Humanities], no. 1 (130), February, 2013, pp. 18–22. (In Russian).
 15. *Mitropolit Makarij (Bulgakov).* Istoriya Russkoj Cerkvi. 12 tomov [Reprintnoe izdanie 1864–1886 gg.] [Metropolitan Makary (Bulgakov). The History of the Russian Church. 12 volumes. [Reprint edition of 1864–1886]]. Moscow, [n. a.], 1994–1998. (In Russian).
 16. Municipal'noe kazyonnoe arhivnoe uchrezhdenie Velikoustyugskogo municipal'nogo rajona «Velikoustyugskij central'nyj arhiv» (MKAU VUCA) [Municipal state archival Institution of Veliky Ustyug municipal district "Veliky Ustyug Central Archive" (MKAU VUCA)]. (In Russian, unpublished).
 17. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii. Sobranie Vtoroe [The complete set of Russian Empire statutes. Set Two.]. T. I–LV. St. Petersburg, 1830–1881. (PSZRI-2). (In Russian).
 18. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii. Sobranie Pervoe [The complete set of Russian Empire statutes. Set One.]. T. I–VL. St. Petersburg, 1830. (PSZRI-1). (In Russian).
 19. *Pul'kin M. V., Zaharova O. A., Zhukov A. Yu.* Pravoslavie v Karelii (XV – pervaya tret' XX v.) [Orthodoxy in Karelia (15 – the first third of the 20 century)]. Moscow, "All year round" Publ., 1999, 208 p. (In Russian).
 20. *Rozhina A. V.* Dohody monastyrej Vologodskoj gubernii v konce XVIII – nachale XX v. [Incomes of monasteries of Vologda province at the end of 18 – beginning of 20 century]. Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta [Proc. of Altai State University], 2012, no. 4/2 (76), pp. 180–183. (In Russian).
 21. *Rozhina A. V.* Feminizaciya monashestva na Evropejskom Severe Rossii v nachale XX v. [Feminization of monasticism in the European North of Russia at the beginning of the 20 century]. Teoreticheskie i prikladnye aspekty sovremennoj nauki: sbornik nauchnyh trudov po materialam VIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii 27 fevralya 2015 g.: v 7 ch. [Theoretical and applied aspects of modern science: collection of scientific papers based on the materials of the VIII International Scientific and Practical Conference February 27, 2015: in 7 parts]. Petrov's individual enterprise, 2015, ch. IV, pp. 44–46. (In Russian).
 22. *Roshchevskaya L. P.* Ekonomika Ul'yanovskogo monastyrya v Komi krae 1866–1917 gg. [Economics of the Ulyanovsk monastery in the Komi Region 1866–1917]. Problemy istorii Rossii XVIII–XX vekov (Nauchnye chteniya pamyati professora Yu. D. Margolisa) [Problems of the history of Russia of the 18–20 centuries (Scientific readings in memory of Prof. Yu. D. Margolis)]. Syktyvkar, Syktyvkar State University Press, 1997, pp. 64–73. (In Russian).
 23. *Spiridonov A. M., Yarovoj O. A.* Valaam: ot apostola Andrey'a do igumena Innokentija. Ocherki istorii Valaamskogo monastyrya [Valaam: from Apostle Andrew to Abbot Innokenty. Essays on the history of the Valaam Monastery]. Moscow, "Prometheus" Publ., 1991, 125 p. (In Russian).
 24. Spisok denezhnyh pozhertvovanij v Vologodskij eparhial'nyj komitet dlya vspomozheniya postradavshim ot neurozha-

- ya [List of monetary donations to the Vologda Diocesan Committee to help the victims of crop failure]. Vologodskie eparhial'nye vedomosti (VEV) [Vologda Diocesan Gazette (VEV)], 1892, no. 1–4, 7, 8, 10, 12, 13. (In Russian).
25. *Fedorov V. A.* Russkaya pravoslavnaya cerkov' i gosudarstvo. Sinodal'nyj period (1700–1917) [The Russian Orthodox Church and the State. Synodal period (1700–1917)]. Moscow, “Russian panorama” Publ., 2003, 479 p. (In Russian).

Received 18.12.2021

Kotov P.P., Candate of History, Associate Professor, Head of the Sector of National History,
Institute of Language, Literature and History
Federal Research Center Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
Kommunisticheskaya st., 26, Syktyvkar, Russia, 167001
E-mail: kotovpetr55@mail.ru

Rozhina A.V., Candidate of History, Associate Professor
of the Department of History of Russia and Foreign Countries
Syktyvkar State University named after Pitirim Sorokin
Oktyabrskiy prosp., 55, Syktyvkar, Russia, 167001
E-mail: arojina@bk.ru